

Е.А. Чиглинцев, Н.Ю. Бикеева, М.В. Григер, Н.А. Шадрин

ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ: ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВА И ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Формирование исторического сознания остается насущным требованием к историкам со стороны общества и государства. Публичная история объединяет в ответе на этот вызов усилия историков-профессионалов и прочих акторов в публичном пространстве исторического знания. Статья обобщает теоретические подходы к публичной истории и социокультурные практики с целью выработки концептуальной основы для новой магистерской программы. Структурно рассмотрены теория и практика публичной истории предпринимается в сопряжении с содержательными подходами, характерными для освоения социумом разных периодов всеобщей истории – рецепция античности, медиевализм, историческая политика, а также с анализом традиционных практик в коммуникативной, социальной и художественной сферах.

Ключевые слова: *публичная история, рецепция античности, медиевализм, историческая политика, коммуникация, художественные практики*

Пространство публичной истории. В поисках предмета и метода. В современной социокультурной ситуации обозначилось некоторое поле вопросов, обращенных к профессиональному историческому сообществу¹. Многочисленные научные, просветительские и медийно-развлекательные проекты последнего десятилетия свидетельствуют как о стойком интересе в обществе к исторической тематике, так и о различном восприятии исторического прошлого, выражающемся в репрезентации и оценке событий, явлений, персоналий.

История, как комплекс знаний о прошлом, непосредственно влияет на формирование и функционирование общественных систем и структур. При помощи разного рода исторического материала целенаправленно или стихийно формируется, с одной стороны, историческая память общества, его национальная, культурная и гражданская идентичность, а с другой (напрямую и непосредственно в связи с первым), выстраивается общественное мнение, отношение людей к тем или иным современным событиям, тенденциям, личностям, т.е. происходит своего рода программирование общественного поведения. Отсюда и в исторической науке начинает осознаваться необходимость рассматривать восприятие прошлого не просто на уровне индивидуального интереса творческой личности, а с учетом социокультурного опыта и общественных потребностей, в рамках изучения социального исторического сознания².

Такое явление в области исторического знания, которое в самом общем виде называется публичная история, на наш взгляд, пока еще не является ни особой исследовательской парадигмой, ни отдельной дис-

¹ Репина 2015: 59-60.

² Репина 1996: 35.

циплиной³. И эта научно-практическая область⁴ находится в фокусе внимания разного рода исследований: от общей дискуссии о том, что такое публичная история, до принципов и методов внедрения публичной истории в образовательные программы и общественные практики⁵.

Опыт, накопленный национальными историографиями, пытающимися как-то определить специфику исследовательского поля публичной истории, приводит к единственному общему наблюдению: публичная история – это историческое знание, создаваемое за пределами академического историописания, или, если сформулировать еще радикальнее, «публичная история есть и всегда была вызовом (Herausforderung) для дисциплины история»⁶. В связи с этим – и главная претензия к академическому историческому сообществу: не писать скучно и сухо, не присваивать себе обладание абсолютным знанием обо всех событиях и явлениях прошлого. Историки сегодня «должны не рассказывать, “как было на самом деле”, а скорее предлагать научную экспертизу, делать ее применимой для неспециалистов»⁷. А еще более радикально: историкам необходимо передавать не только академическое знание о прошлом, но и предложить творческое осмысление наследия этого прошлого. Ученым не следует забывать и о развлекательной функции истории⁸.

Вообще же, огромный интерес представляют, с одной стороны, возможные цели использования исторической информации в тех или иных сферах жизни общества, а с другой, те методы и средства, которые используются при этом для достижения максимального результата. Значительная демократизация в формировании и репрезентации исторического знания, включение в качестве производителей и ретрансляторов представлений о прошлом широкого круга интеллектуалов из иных профессиональных сфер, делает бессмысленным на сегодняшний день и поиск единого метода для публичной истории. Каждый использует методы, свойственные сфере его профессиональных знаний. Единственное, что может объединить всех акторов, это (о)владение методами исторической науки в дополнение к уже имеющимся в их арсенале. В этом заключается высокое предназначение образовательных программ по публичной истории⁹. И, конечно, особого внимания требует формирование умений современными способами (графическими и текстовыми) преподносить историческую информацию, с учетом распро-

³ См. об этом: Савельева 2014: 141-155.

⁴ Некоторые исследователи определили в качестве одной из практик публичной истории даже поиски артефактов с помощью металлоискателя. См.: De Groot 2008: 65.

⁵ См., напр.: The Oxford Handbook of Public History 2017; Public History and School 2018. People and Their Pasts 2009; Public and Popular History 2012; De Groot 2008.

⁶ Wolfrum 2010: 14.

⁷ Аккерманн, Аккерманн, Литке, Ниссер, Томанн 2012.

⁸ Кронон 2012.

⁹ Cauvin 2016; The Oxford Handbook of Public History 2017; A Companion to Public History 2018.

странения компьютерных технологий и перенесения обсуждения любого рода информации в пространство сети Интернет¹⁰. Современный интерес к историческому прошлому содержательно включает в сферу публичной истории все эпохи всемирной истории – Античность, Средние века, Новое и Новейшее время. Специфика их освоения в публичном пространстве обозначается в науке специальными понятиями: рецепция античности (восприятие и интерпретации античного наследия), медиевализм (современные образы Средневековья, их производство и репрезентации), историческая политика (история относительно недавнего прошлого в пропагандистском и публицистическом дискурсах).

Рецепция античности как способ «присвоения» наследия в современной культуре. В последние десятилетия исследование рецепции античности стало одним из самых востребованных направлений в мировом антиковедении. Особенно разнообразный характер носит изучение рецепции античности в рамках англо-американских *Classical studies* и *Cultural studies*. Обращение к эпохе античности в качестве базового пласта для современной европейской, и не только европейской, цивилизации и к античному наследию как к бесценному кладезу культурных ценностей, уже несколько столетий является неизбежным при формировании картины мира современного человека, а в общественном сознании устойчиво существует установка, которую можно назвать рецепционной, и которая сформировалась исторически под влиянием всего предыдущего социокультурного опыта.

Рецепция как вариант вертикального взаимодействия культур и цивилизаций долгое время исследовалась в мировой историографии и гуманитарном знании (литературоведении, искусствознании, философии, истории права) только с точки зрения передачи и включения в последующие исторические эпохи духового наследия античности и иногда – Средневековья. Созданием современной теории рецепции мы обязаны Хансу Роберту Яуссу и его междисциплинарной группе в университете Констанца, обозначившим новое направление в структуралистском понимании текста: главной становится идея диахронии как динамичного взаимодействия эпох прошлого и настоящего посредством диалога между читателем и автором¹¹; а изыскания одного из ведущих исследователей констанцской школы В. Изера в области актуализации скрытых изначально, но проявляющихся в процессе чтения возможностей текста, прямо выводят нас на основную особенность социокультурной рецепции – наделение текста иными смыслами¹². Новые теоретические построения не могли не заинтересовать антиковедов как представителей комплекса гуманитарных дисциплин, базирующихся, главным образом на работе с текстом, тем более что примерами взаимодей-

¹⁰ См., например: *Writing History in the Digital Age* 2013.

¹¹ Яусс 2004: 192-200.

¹² Изер 2004: 201-224.

ствия с античным наследием полна вся европейская культура, а междисциплинарное поле гуманитарных наук неоднократно демонстрировало и попытки осмыслить и обобщить этот опыт.

В случае рецепции Античности, впрочем, как и во многих других попытках актуализации исторического знания, можно говорить об оформлении устойчивой тенденции, когда среди акторов начинают преобладать не профессиональные историки и филологи-классики, а преподаватели и писатели, журналисты и деятели культуры и искусства, специалисты по рекламе и рекреационной работе, т.е. широкий круг людей интеллектуального труда, которые занимаются адаптацией рационального знания в интересах массового потребителя; соответственно, актором выступает и сам массовый потребитель этого адаптированного исторического знания. Эта тенденция в полный голос заявила о себе на рубеже XX–XXI вв., что отчасти способствовало трансформации «reception study» в «cultural studies» (культурные, или по П. Бёрку, «культуральные», исследования, которые предполагают культурные практики символической интерпретации прошлого)¹³. В целом, в процессе социокультурной рецепции Античности происходит кодирование и декодирование образов через дешифровку используемых знаков и символов, т.е. в качестве одной из доминант выступает именно коммуникация индивида и социума по поводу античного наследия. Такая коммуникация призвана одновременно и сохранить смысл интересующих нас образов Античности, и передать имеющуюся в них информацию, что, в свою очередь, способствует созданию индивидуальных и коллективных представлений о прошлом, коллективной памяти, в противовес профессиональной «классике». Ч. Мартиндейл, профессор Бристольского университета, прямо говорит, что рецепция может бросить вызов традиционным представлениям о «классике», которые, по его мнению, до сих пор базируются на позитивистском подходе¹⁴.

Сопряжение публичной истории и рецепции Античности – следствие оригинальной концепции социокультурной или исторической рецепции, предложенной в Казани. Суть ее в том, что в античном прошлом находятся реальные события, явления, феномены и персонажи, обращение к которым из современности обусловлено возможностью получить ответ на вопросы, стоящие перед современным обществом.

Актуальным стало изучение механизмов «присвоения» прошлого, в частности, античности в советском и постсоветском пространстве. И здесь рецепция Античности вполне сопрягается с исторической политикой, основным полем которой является все-таки новая и новейшая история. Определенно, обращение к Античности в первые два десятилетия советской власти в рамках общеевропейской культурной традиции, как это делал поэт Осип Мандельштам, было ничем иным, как вариантом

¹³ Берк 2015: 13.

¹⁴ Martindale 2006: 2.

дистанцирования от вульгаризированной «пролетарской культуры», элементом «внутренней эмиграции». Осип Манделъштам, связывая древний Рим и современную ему Италию в 1930-е гг. так, как она представлялась из Советской России человеку, внутренне чуждому новому режиму, увидел в фашистской Италии тиранию, сходную с той, от которой он пострадал. Актуализация фашистским режимом римского наследия подтолкнула Манделъштама к актуализации тираноборческих элементов античной культуры, которые по факту были приложены им не столько к итальянскому, сколько к советскому культурному контексту¹⁵.

Социокультурная рецепция Античности особенно ярко осуществляется в сложные и переходные эпохи, в которые обращение к историческому прошлому происходит в интересах консолидации общества. При этом рецепция происходит через обращение к выдающимся личностям античного мира. Показателен, например, образ царя Ксеркса в европейской культуре Нового и Новейшего времени. К нему обращается и Шахиншах Ирана, и иранская правозащитница – лауреат Нобелевской премии мира, и американский кинорежиссер, и русский философ Серебряного века. В последнем случае, образ этого царя становится просто олицетворением Востока в связи с дискуссиями о выборе пути развития страны между Востоком и Западом, «азиатчиной» и «цивилизацией», христианской Европой и языческой Азией, когда в широко известном стихотворении «Ex oriente lux» (1890 г.) Вл. Соловьев прямо вопрошает Россию, хочет ли она быть «...Востоком Ксеркса или Христа»?¹⁶.

Но есть в Античности и такие универсальные персонажи-символы, общий символический смысл которых остается одинаковым независимо от интерпретаций и контекстов, в которых идет обращение к этим образам. Таков образ Спартака в качестве символа борьбы за свободу, хотя идейное наполнение, социокультурный контекст, скажем, в советском балете и в голливудском кинофильме, не говоря уже о самых последних публикациях «крипто-исторических» романов или новейших телеверсий в жанре «фэнтези», значительно различаются¹⁷.

Такой вариант рецепции через личность, биографию, событие, явление довольно широко распространен в актуальных практиках, в т.ч. и в антропологическом сегменте современного гуманитарного знания¹⁸.

Специфика освоения Средневековья в современном публичном пространстве. Интерес к Средневековью, начавшийся в середине 1970-х гг., когда средневековые образы и сюжеты приобрели огромную культурную значимость в массовом сознании¹⁹, в наши дни только возрастает. И в то же время стремительно стирается разница между науч-

¹⁵ Крих 2018: 359.

¹⁶ Чиглинцев, Рунг 2017: 88-100.

¹⁷ Чиглинцев 2014: 36-44.

¹⁸ Julius Caesar in Western Culture 2006; Cultural Responses to the Persian Wars. 2007; Classics in Extremis 2018.

¹⁹ Verduin 2009: 15; Matthews 2015; The Cambridge Companion to Medievalism 2016.

ным историческим знанием, социальной и культурной памятью и конструированием реальности в виртуальном пространстве. В этом и проявляется сущность того феномена, который принято обозначать термином «медиевализм», им, как отмечает «Оксфордский словарь английского языка», зачастую пользуются для обозначения в нейтральных или позитивных тонах «верований и практик», характерных для Средних веков²⁰. В научной среде термин имеет наиболее широкое толкование: как совокупность интерпретаций Средних веков в культуре Нового и Новейшего времени, а чаще – для обозначения любых образов Средневековья и представлений о нем – как научных, так и популярных.

Нынешний президент Международного общества изучения медиевализма Ричард Утц в своем манифесте медиевализма²¹ заявляет, что академические исследования Средневековья – только часть более широкого культурного феномена «медиевализма», продолжающегося изучения, переписывания, переопределения средневековой культуры в пост-средневековые времена. Очевидно, что здесь и прокламируется теснейшее сопряжение медиевализма и публичной истории.

Современный общественный запрос на средневековье вполне осознается в научной среде, в ней растет понимание того, что существует разрыв между колоссальным и непрерывно увеличивающимся массовым интересом к истории средних веков и работой академических историков. Медиевализм подчеркивает игровой и перформативный аспект использования символических ресурсов Средневековья в современной культуре. Первые шаги профессиональной медиевистики в этом направлении были связаны, прежде всего, с именами М. Блока и Ж. Ле Гоффа и подразумевали отказ от объяснения прошлого в пользу его понимания. Именно в рамках такого подхода появляется понятие «Другого Средневековья». Однако медиевисты не желают обслуживать этот массовый спрос, в результате чего история Средневековья остается в значительной степени достоянием неспециалистов. Еще в 2012 г. состоялась конференция «Шестое Средневековье, или Зачем нам сегодня Средние века?», созванная Лабораторией медиевистических исследований и факультетом истории НИУ ВШЭ. В результате исследователи пришли к выводу, что «концепты Средневековья и феодализма востребованы сегодня не столько для научных целей, сколько для обучения школьников и студентов, удобства коммуникации с внешним миром»²². Есть угроза, что если общие концепты не сформулируют специалисты, то за дело возьмутся люди, весьма далекие от науки. Так оно и происходит в публичном пространстве, которое использует средневековую тематику в кино²³, рекламе²⁴ или при создании компьютерных игр²⁵. Прошлое сегодня

²⁰ Утц 2018: 164-172.

²¹ Utz 2017.

²² URL: <https://medieval.hse.ru/news/page42.html>.

²³ Bildhauer 2011; Bildhauer 2016: 45-59; Панфилов 2014. С. 193-208; Скрыбина 2018.

²⁴ Войченко 2011: 119-122; Ростовцев, Сосницкий 2017: 398-416.

можно не просто представить, но и участвовать в нем²⁶. Медиевализм удивительно вписывается в мышление современных поколений, прежде всего, своей образностью, которая по механизму возникновения очень похожа на мышление создателей виртуальных реальностей²⁷. Однако отражение эпохи Средневековья в Интернет-изданиях, наиболее доступных современному человеку, очень специфично. Для него характерны ограниченность информации и ее фрагментарность. Переживает расцвет фэнтези как особый литературный жанр, в основе которого лежит «сказочная» трактовка средневековых сюжетов. При этом в образе Средневековья исчезает его христианская, религиозная составляющая, христианские мотивы приобретают второстепенное значение, а преобладающим оказывается образ сильно военизированного общества.

Обращение к истории средних веков актуально, так как многообразие исторического Средневековья – источник опыта для современности. Нередко средневековые герои становятся объектами политических спекуляций. История Средневековья для современных государств остается полем востребованного, нередко политизированного знания. Термин «Средневековье» вновь стал активно использоваться в политическом дискурсе с явно негативной коннотацией. Можно даже предположить, что «романтический» образ Средневековья является характерным для времен относительного спокойствия, тогда как стереотип «мрачного Средневековья» активизируется в периоды усиления политической борьбы для дискредитации политических противников. И в этом медиевализм становится также частью исторической политики.

Публичная история как историческая политика. В отличие от рецепции Античности и медиевализма историческая политика обращается к материалу Нового и Новейшего времени, политическая интерпретация которого в Настоящем значительно более востребована разными общественными силами, более публична. Поэтому в пространстве исторической политики, как правило, идут гораздо более жесткие и общественно резонансные сражения. Происходит это по ряду обстоятельств.

Во-первых, по событиям современности осталось гораздо больше источников информации, они более доступны и более многообразны. Естественная противоречивость, свойственная историческим источникам, позволяет выстраивать «обоснованную» аргументацию контроверсных интерпретаций одних и тех же исторических событий.

Во-вторых, тому, кто хочет по-своему проинтерпретировать события современности приходится иметь дело с поколенческой или даже живой памятью, что вызывает определенные сложности. Так, в Западной Германии, где собственно и сформировалась теоретическая концепция исторической политики (*Geschichtspolitik*) как попытки создания

²⁵ Панфилов 2016.

²⁶ Клюев, Свешников 2018: 173-177.

²⁷ Филошкин 2018: 153-162.

«положительного образа национальной истории»²⁸, проработка памяти реально началась спустя примерно двадцать лет после окончания Второй мировой войны, когда во взрослую жизнь вступило новое поколение молодых немцев, не знавших каково было жить в Третьем рейхе. Как подчеркнул Б. Бонвеч, «происходило неформальное изучение преступлений Третьего рейха... Начатое участниками “движения 68-го года”, это изучение происходило на уровне школ и исторических мастерских, где бывшие протестующие студенты, ставшие учителями, занимались просветительской деятельностью. Именно эта неофициальная историческая работа помогла восполнить пробелы в изучении национал-социалистического прошлого»²⁹.

В-третьих, те, кто живет в Настоящем времени, т.е. в актуальном публичном пространстве, продолжают существовать в мировой политико-экономической системе, сложившейся в эпоху модерна (капитализм); следовательно, любой разговор об истории этой эпохи есть разговор о самой Системе. Это не может не волновать группы, которые являются главными бенефициарами существования Системы и прилагают усилия для того, чтобы разговор шел в нужном для них русле. Однако противоречия внутри этих групп и наличие в обществе групп, которые хотели бы разрушить Систему, обеспечивает накал этих исторических дискуссий. Поэтому любой разговор о Прошлом в рамках исторической политики есть не только разговор о Настоящем, но и разговор о Будущем.

Рождение исторической политики как социокультурного явления, корнями уходит в XIX век. Традиционно считающийся «веком истории», он столь же обоснованно может быть назван «веком политики». Это было время, когда в наиболее быстро развивающихся и сильных государствах шло становление индустриального общества, с его урбанизацией, ростом образования и становлением национальной идеологии. Частью последней и стала историческая политика. Возникшие тогда же средства массовой информации, наряду с уже существовавшими культурными институтами (литература, театр, учебные заведения), использовались для создания национального нарратива, который должен был заменить прежние, уже не работавшие нарративы (конфессиональные, монархические и др.). Правящие группы понимали, что без национального нарратива невозможно создание сильного государства. Об ответственности конструирования нации откровенно писал в своих автобиографических мемуарах один из деятелей итальянского Рисорджименто Массимо Д'Адзельо: «создана Италия, осталось создать итальянцев»³⁰.

Однако почти одновременно с национальным нарративом возникает и контрнациональный нарратив – нарратив сепаратистских групп и нарратив других государств, направленный на ослабление конкурентов.

²⁸ Бубнов 2017: 5.

²⁹ Бонвеч 2017: 99.

³⁰ Azeglio D' 1891: 5.

В XX веке к этим группам присоединяется и новый кластер групп, заряженный идеями того или иного вида глобализма. В тех временных и пространственных точках, где борьба между этими группами становится наиболее острой, историческая политика, взятая ими на вооружение, применяется особенно активно. Например, совсем недавно в США острая внутривнутриполитическая борьба вызвала актуализацию памяти о Гражданской войне 1861–1865 гг., что вылилось в южных штатах в процесс сноса целого ряда памятников, посвященных конфедератам³¹.

Взаимоотношения исторической политики как ипостаси публичной истории и традиционной академической истории сложны и неоднозначны. С одной стороны, историческая политика, обращаясь к широкой публике, апеллирует к работам ученых, пытаясь опереться на их авторитет и доказательную базу, а с другой, группы, продвигающие историческую политику, пытаются воздействовать на академическое сообщество, чтобы оно работало в нужном ключе. Иногда это грубая сила государственного аппарата, временами даже в виде физических репрессий³²; иногда, более мягкие формы воздействия на ученых, в виде стимулирования нужных исследований через гранты или, наоборот, создания атмосферы общественного осуждения неудобных тем или формулировок. Порой, обстоятельства, например, получение материальных выгод, подвигают ученых заняться исторической политикой, а идеологов и политиков получать, из соображений престижа и карьерного роста, регалии академических историков. Но при всех этих переплетениях, надо понимать, что академическая история и историческая политика в основе своей имеют совершенно разные цели: одна, насколько это возможно, беспристрастно пытается понять Прошлое, другая осознанно использует что-то из Прошлого, для того чтобы повлиять на Настоящее и Будущее. Это отражается и на характере подаваемой исторической информации: например, если для академического нарратива характерны противоречивость данных, рефлексия и саморефлексия исследователя, то в рамках исторической политики публике, как правило, подаются «неопровержимые факты». Информационные каналы, с которыми работает историческая политика, в отличие от академической истории, очень разнообразны – фактически используются все формы СМИ и массовой культуры. Приоритетом становятся те каналы, которые наиболее эффективно воздействуют на важнейшие пласты населения, в первую очередь на молодежь (на смену печати приходят радио и кинематограф, затем телевидение, а сегодня – интернет). Поскольку художественный образ чаще всего воздействует сильнее документальной информации, историческая политика работает не только (и не столько) с разумом, но также с эмоциями публики, что весьма характерно для публичной истории.

³¹ См. актуальную подборку фото- и видеоматериалов по проблеме [Конфедератопад]: URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/3430565.html>

³² Камерова 2013: 751-755.

Специфика бытования истории в публичных социальных, коммуникативных и художественных практиках. Публичное пространство, в котором, так или иначе, осуществляется использование материалов истории, можно условно разделить на две ключевые сферы.

Во-первых, сфера, которую можно условно назвать сферой массовых коммуникаций. Сюда относится область передачи рационально-логической информации, обмена информацией, которая должна восприниматься как объективная и не иметь, по возможности, художественно-эмоциональной окраски. К данной области, в первую очередь, относятся СМИ, а также область политической, национальной и другой пропаганды (здесь исторические знания, как правило, сильно искажаются, однако преподносятся исключительно как объективные). В рамках сферы массовых коммуникаций бытование истории в публичном пространстве наблюдается в повседневной жизни. Так, безусловно, важным представляется то, как исторический материал используется при выстраивании публичных городских пространств³³, создании развлекательных и просветительских комплексов, таких как музеи, площадки исторических реконструкций, образовательные онлайн и оффлайн проекты. Немаловажным является рассмотрение проблемы использования истории в поле экономической жизни общества, например, в области маркетинга, в частности, в формировании концепции и общей философии брендов.

Второй сферой бытования исторического знания в публичном пространстве становится художественная сфера. Безусловно, образы прошлого, которые транслируют литература, живопись, театр, кинематограф, оказывают огромное влияние на формирование исторических представлений. Область художественного творчества, будучи абсолютно субъективной, может, с одной стороны, создавать наиболее яркие и запоминающиеся образы, а с другой, транслировать разного рода идеи, обращаясь к чувствам людей и минуя рациональное осмысление и необходимость аргументации. Следовательно, посредством художественных произведений можно осуществлять, например, наиболее эффективную пропаганду. Из этого же следует, что бытование исторического материала именно в художественной сфере публичного пространства является наиболее сложным, но при этом и наиболее важным для изучения.

На сегодняшний день, пожалуй, наиболее масштабной и востребованной сферой художественной жизни общества, транслирующей и создающей, в том числе, и разного рода исторические представления, является сфера кино. Исследованиям того, как история преподносится, интерпретируется, а, порой, и фальсифицируется в пространстве игрового кинематографа, посвящаются многочисленные издания, исследующие как конструирование через кино истории отдельных народов и государств, так и общие принципы работы кинематографа с историческим материалом и принципы создания исторических фильмов в це-

³³ Hayden 1997.

лом³⁴. При этом, по-прежнему актуальной остается, собственно, постановка проблемы: что же изучает исследователь, обращаясь к историческому кино? Ответы на этот вопрос могут быть самыми разными: от степени достоверности репрезентации эпохи до, что особенно важно в контексте публичной истории, того социального заказа, который исполняют подобного рода фильмы.

Исследования, посвященные бытованию исторического материала в художественной сфере, а также конструированию представлений об истории через произведения искусства, имеют широчайший спектр³⁵. И все они гармонично объединяют представителей разных областей публичной деятельности (преподавателей, художников, музейных кураторов, академических исследователей), что выражает еще одну специфическую и, пожалуй, важнейшую черту публичной истории – ее междисциплинарность, не только в предметной, но и в социальной сфере.

Поле исследования произведений разных видов искусства в контексте публичной истории поистине неисчерпаемо. Это определяет актуальность и перспективность образовательных программ в области публичной истории, целью которых может быть выявление принципов и методов выстраивания представлений о прошлом в обществе, разработка разного рода просветительских программ, нацеленных на формирование более критического отношения граждан к той исторической информации, которую преподносят различные средства массовой коммуникации, а также подготовка специалистов, способных профессионально работать с историческим материалом в разнообразных сферах общественной жизни. Одной из таких программ призвана стать создаваемая сейчас в КФУ магистерская программа «Публичная история: современные нарративные и визуальные практики».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html> [Akkermann F., Akkermann IA, Litke A., Nisser ZH, Tomann IU. Prikladnaia istoriia, ili Publichnoe izmerenie proshlogo // Neprikosnovenennyi zapas. 2012. №3 (83) URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html>]
- Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: Высшая школа экономики, 2015. 240с. [Berk P. Chto takoe kulturalnaia istoriia? M.: Vissshaia shkola ekonomiki, 2015.240 s.]
- Бонвеч Б. Двойное преодоление тоталитарного прошлого в Германии 1945 и 1990 гг. // Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее (памяти профессора А.И. Борозняка): материалы Международной научной конференции (16-17 февраля 2017 г.). Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 96-105. [Bonvech B. Dvoinoe preodolenie totalitarnogo proshlogo v Germanii 1945 i 1990 gg. // Preodolenie proshlogo v Germanii I Rossii: opit I uroki na budushchee (pamiatii professora A.I. Borozniaka): materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (16-17 fevralia 2017 g.). Lipetsk: LGPU imeni P.P. Semenova-Tian-Shanskogo, 2017.S. 96-105.]

³⁴ См., например: Memory and popular film 2003; Custen 1992; Lorence 2016; Stubbs 2013; Past Imperfect: History According to the Movies 1996.

³⁵ Art and Public History 2017; De Groot 2008.

- Бубнов А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2017. №4. С. 3-12. [Bubnov A.Yu. Istoricheskaya politika i borba interpretatsii kolektivnogo proshlogo v publichnoy sfere // Izvestiia TulGU. Gumanitarnie nauki. 2017. №4. S. 3-12.]
- Войченко АА. Об использовании культурных и исторических аллюзий в рекламе // Вестник МГУКИ. 2011. № 4. С. 119-122. [Voichenko A.A. Ob ispolzovanii kulturnikh i istoricheskikh alluzii v reklame // Vestnik MGUKI. 2011. № 4. S. 119-122]
- Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. М.: Флинта, Наука, 2004. С. 201-224 [Izer V. Protsess chteniia: fenomenologicheskii podkhod // Sovremennaiia literaturnaia teoriia. M.: Flinta, Nauka, 2004. S. 201-224]
- Камерова Н.В. Репрессии по отношению к историкам в СССР в 1929-1938 гг. // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2013. Т. 3. С. 751-755 [Kamerova N.V. Repressii po otnosheniiu k istorikam v SSSR v 1929-1938 gg. // Kontsept. Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal. 2013. T. 3. S. 751-755. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53152.htm>]
- Клюев А.И., Свешников А.В. Движение исторической реконструкции как механизм «работы с прошлым» (на материале средневековых клубов Д[вижения] И[сторической] Р[еконструкции] Западной Сибири) // Античное наследие в последующие эпохи: рецепция или трансформация? Российско-германский международный научно-образовательный симпозиум (Казань, 18-20 октября 2018 г.). Казань: Изд-во Kazan. un-ta, 2018. С. 173-177 [Kluev A.I., Sveshnikov A.V. Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii kak mekhanizm "raboty s proshlim" (na materiale medievalnykh klubov D[vizheniia] I[storicheskoi] R[ekonstrukttsii] Zapadnoi Sibiri) // Antichnoe nasledie v posleduiushchie epokhi: retseptsiia ili transformatsiia? Rossiisko-germanskii mezhdunarodnii nauchno-obrazovatelnyi simpozium (Kazan, 18-20 oktiabria 2018 g.). Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. S. 173-177]
- Крих С.Б. Изучение рецепции Античности и Средневековья в современной российской историографии // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 354-360. [Krikh S.B. Izuchenie retseptsiia Antichnosti i Srednevekovia v sovremennoi rossiiskoi istoriografii // Dialog so vremenem. 2018. Vip. 64. S. 354-360.]
- Кронен У. Академическая история – вечная скука // Гефтер. 2012. URL: [Kronon U. Akademicheskaiia istoriia – vechnaia skuka // Gefter. 2012. URL: <http://gefter.ru/archive/5729>]
- Панфилов Ф.М. Телемедиализм: «средневековые» сериалы конца XX – начала XXI века // Логос. 2014. № 6(102). С. 193-208 [Panfilov F.M. Telemedievalizm: "srednekovie" seriali kontsa XX – nachala XXI veka // Logos. 2014. № 6(102). S. 193-208.]
- Панфилов Ф.М. Средневековые песочницы: медиализм в компьютерных играх начала XXI века // Неприкосновенный запас. 2016. №3 [Panfilov F.M. Srednekovie pesochnitsi: medievalism v kompiuternykh igrah nachala XXI veka // Neprikosovennii zapas. 2016. №3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2016/3/srednekovye-pesochniczy-medievalizm-v-kompyuternyh-igrah-nachala-xxi-veka.html>]
- Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Том 157. № 3. С. 55-67. [Repina L.P. Nauka i obshchestvo: publichnaia istoriia v kontekste istoricheskoi kulturni epokhi globalizatsii // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanitarnie nauki. 2015. Tom 157. № 3.S. 55-67.]
- Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 25-38. [Repina L.P. Vizov postmodernizma i perspektivy novoi kulturnoi i intellektualnoi istorii // Odissei. Chelovek v istorii. M., 1996.S. 25-38.]
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Русское средневековье в коммерческой рекламе: постановка проблемы и перспективы исследования (вторая половина XIX-начало XXI вв.) // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2017. №7. С. 398-416. [Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. Russkoe srednevekovie v kommercheskoi reklame: postanovka problem i perspektivy issledovaniya vtoraya polovina XIX – nachalo XXI vv. // Paleorosiiia. Drevniaia Rus vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh. 2017. № 7.S. 398-416]
- Савельева И.М. Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141-155 [Saveleva I.M. Professionalnie istoriki v "publichnoy istorii" // Novaya i noveishaia istoriia. 2014. № 3. S. 141-155.]
- Скрябина Л. Кино. Европа. Средние века. М.: Аграф, 2018. 496 с. [Skriabina L. Kino. Evropa. Srednie veka. M.: Agraf, 2018. 496 s.]

- Утц Р. Дивные новые медиевализмы? // Неприкосновенный запас. 2018. № 1(117). С. 164-172 [Uts R. Divnie novie medievalsmy? // Neprikosnovennii zasap. 2018. № 1(117). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/117_nz_1_2018/article/19539/]
- Филошхин А. И. Медиевализм: почему нам сегодня нужны средние века? // Историческая экспертиза. 2018. № 4(17). С. 153-162 [Filiushkin A.I. Medievalizm: pochemu nam segodnia nuzhni srednie veka? // Istoricheskaia ekspertiza. 2018. № 4(17). S. 153-162. URL: https://istorex.ru/page/filyushkin_ai_medievalizm_pochemu_nam_segodnya_nuzhni_srednie_veka]
- Чиглинцев Е.А., Рунг Э.В. Рецепция образа Ксеркса в европейской культуре нового и новейшего времени // Диалог со временем. 2017. №61. С. 88-100. [Chiglintsev E.A., Rung E.V. Retseptsiia obraza Kserksa v evropeiskoi culture novogo i noveishego vremeni // Dialog so vremenem. 2017. № 61. S. 88-100]
- Чиглинцев Е. Фракиец Спартак - всеобщий символ борьбы за свободу // Трети международен конгрес по болгаристика, 23-26 май 2013 г. Секция «История и археология». Първоиздание. София, 2014. С. 36-44. [Chiglintsev E.A. Frakiets Spartak – vseobshchii simvol borbi za svobodu // Treti mezhdunaroden kongrespo bulgaristika, 23-26 mai 2013 g. Sektsiia “Istoriia i arkhologiiia”. Prvoizdanie. Sofia, 2014. S. 36-44.]
- Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. М.: Флинта, Наука, 2004. С. 192-200. [Jauss G.R. Istoriia literature kak vivot teori i literature // Sovremennaia literaturnaia teoriia. M.: Flinta, Nauka, 2004. S. 192-200.]
- Art and Public History: Approaches, Opportunities, and Challenges (American Association for State and Local History) / ed. by R. Bush, K. Tawny Paul. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2017. 272 p.
- Azeglio D' M. I miei ricordi. Letteratura italiana Einaudi. Barbera, Firenze: Edizione di riferimento, 1891. 573 p. URL: http://www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_8/t207.pdf
- Bildhauer B. Filming the Middle Ages. London: Reaktion Books, 2011. 264 p.
- Bildhauer B. Medievalism and cinema // The Cambridge Companion to Medievalism / ed. L. D'Arcens. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 45-59.
- The Cambridge Companion to Medievalism / ed. L. D'Arcens. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 256 p.
- Cauvin T. Public History: A Textbook of Practice. Oxon: Routledge, 2016. 298 p.
- Classics in Extremis: The Edges of Classical Reception / ed. by E Richardson. London; New York: Bloomsbury Publishing, 2018. 272 p.
- A Companion to Public History / ed. by D. Dean. Malden: John Wiley& Sons Ltd, 2018. 576 p.
- Cultural Responses to the Persian Wars. Antiquity to the Third Millenium / ed. by E. Bridges, E. Hall, P.J. Rhodes. Oxford: Oxford University Press, 2007. 453 p.
- Custen G. F. Bio/pics: How Hollywood Constructed Public History. Rutgers: Rutgers University Press, 1992. 326 p.
- De Groot J. Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. Oxon: Routledge, 2008. 304 p.
- Hayden D. The Power of Place: Urban Landscapes as Public History. Cambridge: The MIT Press, 1997. 361 p.
- Julius Caesar in Western Culture / ed. by V Wyke. London: Blackwell Publishing, 2006. 364 p.
- Lorence J. Screening America: United States History Through Film Since 1900. Oxon: Routledge, 2016. 224 p.
- Martindale Ch. Thinking Through Reception // Classics and the Uses of Reception. Oxford: Blackwell, 2006. P. 1-13.
- Matthews D. Medievalism: A Critical History. Cambridge: Boydell& Brewer Ltd, 2015. 229 p.
- Memory and popular film / ed. by Paul Grainge. Manchester: Manchester U.P., 2003. 272 p.
- The Oxford Handbook of Public History / ed. by J. B. Gardner, P. Hamilton. Oxford: Oxford University Press, 2017. 568 p.
- Past Imperfect: History According to the Movies / ed. by M. C. Carnes. N.Y.: Holt Paperbacks, 1996. 320 p.
- People and Their Pasts: Public History Today / ed. P.C. Ashton, H. Kean. Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009.304 p.
- Public and Popular History / ed. by J. De Groot. Oxon: Routledge, 2012. 157 p.
- Public History and School: International Perspectives / ed. by Marko Demantowsky. Oldenbourg: De Gruyter, 2018. 230 p.

Stubbs J. *Historical Film: A Critical Introduction (Film Genres)*. London: Bloomsbury Academic, 2013. 224 p.

Verduin K. *The Founding and the Founder: Medievalism and the Legacy of Leslie J. Workman // Studies in Medievalism*. 2009. Vol. XVII («Defining Medievalism»). P. 1-27.

Wolfrum E. *Erinnerungskultur und Geschichtspolitik als Forschungsfelder. Konzepte – Methoden – Themen // Reformation und Bauernkrieg. Erinnerungskulture und Geschichtspolitik im geteilten Deutschland / Hrsg. Jan Scheunemann*. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2010. S. 13-47.

Writing History in the Digital Age / ed. by J. Dougherty, K. Nawrotzki. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. 283 p.

[Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований]. [Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований] URL: <https://medieval.hse.ru/news/page42.html>
[Конфедератопад] [Konfederatopad] URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/3430565.html>

Чиглинцев Евгений Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра всеобщей истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет; evgeni.tchiglintsev@kpfu.ru

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет; binata@rambler.ru

Григер Максим Вадимович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра дизайна и музеологии, Казанский государственный институт культуры; grigerm@yandex.ru

Шадрина Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра всеобщей истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет; shadrina_nata@list.ru

Public History: challenges of society and transformations of historical knowledge

The formation of historical consciousness remains an urgent requirement for historians on the part of society and the state. Public history unites in response to this challenge the efforts of professional historians and other actors in the public space of historical knowledge. The article summarizes the theoretical approaches to public history and socio-cultural practices for developing a conceptual basis for the new master's program. Structurally, the consideration of the theory and practice of public history is undertaken in conjunction with fundamental contextual approaches that are characteristic of society, mastering various periods of world history - the reception of antiquity, medievalism, and historical politics, as well as with the analysis of practices, traditional for the communicative, social and artistic fields.

Keywords: *history, public historical space, reception of antiquity, medievalism, historical politics, communication, art practices.*

Chiglinev Evgenii, Dr.Sc. (History), professor, Department of World History, Kazan Federal University; evgeni.tchiglintsev@kpfu.ru

Bikeeva Natalia, PhD, Associate professor, Department of World History, Kazan Federal University; binata@rambler.ru

Griger Maxim, PhD, Associate professor, Department of Design and Museology Kazan State Institute of Culture; grigerm@yandex.ru

Shadrina Natalia, PhD, Senior Lecturer, Department of World History, Kazan Federal University; shadrina_nata@list.ru